

Д. А. Казанцев,
кандидат юридических наук,
Торгово-промышленная палата Российской Федерации

САЖАТЬ ЛИ РОБОТОВ В ТЮРЬМУ? К ВОПРОСУ О ДЕЛИКТОСПОСОБНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. Вовлечение технологий искусственного интеллекта в повседневные отношения требует регулирования тех, пусть даже немногочисленных, случаев, в которых следствием действий робота стало причинение вреда физическому или юридическому лицу. Этот вопрос, в свою очередь, требует как анализа самого феномена деликтоспособности ИИ, так и разработки матрицы ответственности за последствия его действий. Не являясь исчерпывающим изложением всех вариантов решения данной проблемы, настоящая статья приглашает к размышлению на эту тему. Ведь данный аспект использования ИИ не является сугубо теоретическим, а прямо влияет на перспективы распространения цифровых технологий.

Ключевые слова: право, цифровые технологии, правовая ответственности, правовая субъектность, деликтоспособность, робот, искусственный интеллект

SHOULD ROBOTS BE JAILED? TO THE QUESTION OF THE DELICTOUS CAPABILITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. The involvement of artificial intelligence technologies in everyday relations requires regulation of those cases in which the actions of a robot have caused harm to an individual or legal entity. This issue requires an analysis of the very phenomenon of the legal subjectivity of AI and the development of a matrix of responsibility for the consequences of its actions. This article invites you to reflect on this topic. After all, the legal liability of AI is not only a theoretical issue. The quality of regulation of AI liability directly affects the prospects for the spread of digital technologies.

Keywords: law, digital technologies, legal liability, legal subjectivity, delictual capacity, robot, artificial intelligence

Роботизация производств и все более широкое использование технологий искусственного интеллекта в различных аспектах повседневной жизни переводит из теоретической в практическую плоскость вопрос о правовых последствиях причинения роботом вреда человеку. За пределами этой статьи остается и вопрос условности понятия искусственного интеллекта на текущем уровне научно-технического развития, и вопрос о неопределенности границ понятия «робот» [9, 11].

Сегодня вопрос ответственности ИИ имеет не только теоретико-правовое, но и сугубо практическое значение. Отсутствие соответствующего регулирования создает правовой вакуум, который потенциально может создать ситуацию отсутствия ответственности за целую группу правонарушений. Это, в свою очередь, с неизбежностью повлечет стремление физических и юридических лиц избегать, насколько это возможно, вовлечения в такие правоотношения, в которых потенциальное нарушение их прав и законных интересов не будет иметь никаких последствий. Проще говоря, неурегулированная правовая ответственность ИИ – это один

из ключевых факторов депопуляризации повседневного использования цифровых технологий, а значит, и важное препятствие на пути их развития.

Классическим набором элементов правовой ответственности принято называть наличие субъекта, субъективной стороны, объекта и о объективной стороны. И если наличие объекта и объективной стороны не устраняется фактом причинения вреда в результате действий ИИ, то наличие двух оставшихся факторов представляется в высшей степени дискуссионным.

Сам феномен деликтоспособности неразрывно связан с понятием правоспособности. Иными словами, лишь субъект права может нести правовую ответственность [6]. Однако как быть в ситуации, когда причиной возникновения деликтных обязательств стали действия субъекта, не относящегося к субъектам права?

На сегодня преждевременными представляются разговоры о присвоении искусственному интеллекту статуса правового субъекта. Ведь сходство не означает тождество, а присвоение роботу антропоморфных черт не означает обретения им тождества с человеком. С точки зрения достигнутого уровня развития техники на сегодняшний день «очевидна несостоятельность предложения признания за искусственным интеллектом правосубъектности, аналогичной правосубъектности физического лица, и, несмотря на использование принципов работы человеческого мозга для построения системы искусственного интеллекта, принципы правового регулирования статуса физического лица не могут быть применены к искусственному интеллекту» [2. С. 33]. Вопросы о правосубъектности ИИ активно обсуждаются и на страницах периодических изданий [1–4; 6; 13].

Несмотря на стремительное развитие нейросетей и технологий роботизации, все еще остается актуальным мнение о том, что «придание роботам (системе искусственного интеллекта) статуса субъекта права не повлечет за собой в обозримом будущем каких-то явных негативных последствий. В то же время не видны и преимущества такого решения по сравнению с рассмотрением роботов (систем искусственного интеллекта) в качестве квазисубъектов права. Исходя из философского принципа Оккама не умножать сущности без крайней на то необходимости, мы полагаем, что введение в правовую сферу такого принципиально нового субъекта права, как робот (система искусственного интеллекта), является преждевременным (хотя не исключено, что такая необходимость появится)» [4. С. 108]. Присвоение ИИ прав человека стало бы лишь сугубо некорректной экстраполяцией свойств человека на ИИ [12. Р. 15], не учитывающей ни специфику человека, ни специфику искусственного интеллекта.

Очевидным образом, подобная правовая конструкция неприменима к случаям возникновения деликтных обязательств в результате деятельности искусственного интеллекта. Однако невозможность применения той или иной конструкции не должна означать невозможность самой ответственности. Распространение на случаи причинения вреда роботом правового режима обстоятельств непреодолимой силы очевидным образом создает пространство для злоупотреблений. Как же в таком случае надлежит регулировать вопросы правовой ответственности за действия искусственного интеллекта?

В самом первом приближении необходимо уяснить (а где это возможно, и закрепить в нормативных актах) корректное соотношение ролей человека и искусственного интеллекта в хозяйственных и правовых отношениях. По общему правилу, недопустимо возлагать на ИИ принятие ключевых решений. Эти решения должны оставаться исключительной прерогативой человека там, где это возможно.

Дело здесь не только и не столько в упомянутом выше принципе антропоцентризма. Точнее, это обстоятельство обусловлено вовлечением человека в круг потенциальных последствий деятельности робота уже не в качестве субъекта, а в качестве объекта. Например, в случае принятия решения об аварийном отключении мощностей электростанции или об аварийном сбросе воды из водохранилища даже самый продвинутый алгоритм в отсутствие сложных дополнительных настроек будет оценивать сугубо экономические последствия каждого из возможных решений. И вполне может оказаться, что внезапное затопление близлежащего поселка искусственный интеллект сочтет в данной ситуации экономически целесообразным.

Это возвращает нас к понятию субъективной стороны правонарушения. Высокотехнологичная команда разработчиков может создать алгоритм, позволяющий до известной степени включить в механизм принятия решения роботом интересы человека в качестве наиболее высокого приоритета. Но даже она не сможет придать роботу морально-этические свойства человека, имитировать нравственные переживания и психоэмоциональные отношения к совершаемому действию.

Не нужно забывать: методы мышления человека и методы обработки информации условным искусственным интеллектом качественно различаются. Это два разных типа обработки информации, каждый из которых обладает своими достоинствами и недостатками. И даже при наличии схожих целей неуместно переносить на один тип свойства другого.

В этих условиях по общему правилу лишь человек – при этом обладающий и надлежащей экспертизой, и развитыми этическими установками, и именно антропоцентричной аксиологией – может принимать решения, затрагивающие ключевые права и законные интересы другого человека. И потому сегодня ИИ может быть лишь источником данных для эксперта, а не заменой этого эксперта. Более того, не теряет своей актуальности правило: использование ИИ тем целесообразнее, чем меньше оно влияет на жизнь и здоровье физических лиц.

При соблюдении данного правила не требуются новые правовые конструкции. Вопросы деликтоспособности вполне могут решаться с помощью существующих правовых механизмов, пусть даже адаптированных к использованию такого специфического инструмента, как ИИ. Но как быть в ситуации, когда устранение человека от принятия решений и составляет саму суть роботизации?

В качестве понятного примера можно привести роботизированное такси, автопилот морского судна или робота для микрохирургических операций. Технологическая сложность выполняемых ими задач прямо обуславливает экономическую и прикладную целесообразность устранения человека от контроля за этими операциями. Проще говоря, если за рулем находится водитель, то робот в таком такси уже не нужен – а если такси управляет робот, то наличие водителя нивелирует экономические преимущества от роботизации такси. Именно для подобных

ситуаций актуальным является формирование новых правовых механизмов регулирования ответственности за действия ИИ.

Теоретик и историк права может справедливо предположить, чтобы в данной ситуации актуально не столько изобретение новых правовых конструкций, сколько обращение к старым, давно забытым правовым моделям. Речь идет, например, о модели взаимоотношений *pater familias* и раба в римском праве. При таком подходе «правовое положение ИИ становится тождественным или близким тому, которое было у римских антропоморфных коллективных организаций, либо еще более редуцированным – раба, домочадцев, детей, в том числе *filius in potestate tua est*» [1. С. 21]. Однако простой принцип «за все действия раба правовую ответственность несет хозяин» невозможно механистически перенести на модель распределения ответственности за последствия действий робота.

Это отнюдь не означает того, что современный ИИ более сложен в психоэмоциональном аспекте чем, например, древнеримский гладиатор. Наоборот, при исследовании первопричин того или иного решения ИИ мы можем с большей легкостью выделить по меньшей мере несколько ключевых субъектов, причем каждый из этих субъектов будет являться физическим лицом, юридическим лицом либо группой лиц. «Отношения с использованием искусственного интеллекта – это всегда отношения между субъектами права или по поводу объектов права. В любом случае это отношения, которые на том или ином этапе инициированы, запрограммированы человеком – субъектом права с той или иной степенью ответственности (в том числе в рамках деятельности юридических лиц). Волеизъявление человека на те или иные действия искусственного интеллекта может быть выражено в разной степени: от действий ИИ, находящихся под полным контролем воли человека, до автономных действий ИИ, опять же допускаемых и осознаваемых в своих возможных пределах и последствиях человеком (группой лиц)» [5. С. 64].

Эта возможность, в свою очередь, может и должна стать основой для рационального и справедливого распределения ответственности между ними. Речь идет о таких субъектах, как владелец ИИ, пользователь ИИ, разработчик ИИ, а также третьи лица [7, 8].

Разумеется, мы не можем применить уголовное или административное наказание к ИИ. Любая мера ответственности, примененная к ИИ, в любом случае повлечет за собой неблагоприятные последствия для его пользователя: например, административный запрет на работу ИИ в течение определенного срока будет означать издержки не для самого ИИ, а лишь для того субъекта, который использовал данную систему ИИ в своей хозяйственной деятельности.

Именно этот тезис является отправной точкой для конкретизации абстрактного тезиса об индивидуализации решения о распределении ответственности в каждом конкретном случае с учетом комплекса факторов. Владелец ИИ в таком контексте предстает владельцем источника повышенной опасности, а в саму категорию источника повышенной опасности можно и должно включать роботов и системы ИИ в целом. По умолчанию, ответственность за неблагоприятные последствия деятельности ИИ несет его владелец – но лишь до тех пор, пока не доказана вина иных лиц.

Список литературы

1. Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 12–31.
2. Дурнева П. Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности // Гражданское право. 2019. № 5.
3. Ивлиев Г. П., Егорова М. А. Юридическая проблематика правового статуса искусственного интеллекта и продуктов, созданных системами искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 32–46.
4. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12.
5. Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 63–72.
6. Черногор Н.Н., Емельянов А.С., Залоило М.В. Трансформация идейной основы юридической ответственности: между архаикой и постмодерном // Вопросы истории. 2021. № 11(2). С. 248–259.
7. Bertolini A. Robots as Products: The Case for a Realistic Analysis of Robotic Applications and Liability Rules // Law, Innovation and Technology. 2013. Vol. 5. DOI: 10.5235/17579961.5.2.214.
8. Colonna K. Autonomous Cars and Tort Liability // Case Western Reserve Journal of Law, Technology & the Internet. 2012. Vol. 4. DOI: 10.2139/ssrn.2325879.
9. Draft report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Committee on Legal Affairs (31.05.2016) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/JURI-PR-582443_EN.pdf?redirect (дата обращения: 5.09.2024).
10. Duffy S.H., Hopkins J.P. Sit, Stay, Drive: The Future of Autonomous Car Liability // SMU Science & Technology Law Review. 2013. Vol. 16.
11. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)).
12. Nevejans N. European Civil Law Rules in Robotics: Study. European Union, 2016.
13. Филипова И. А., Коротеев В. Д. Будущее искусственного интеллекта: объект или субъект права? // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(2). Рр. 359–386. EDN: immoam